

Штрихи творчества (Что, почему и как?)

Случилось так, что я по жизни занимаюсь темой красоты. Сначала тема выбрала меня, когда я поступила учиться в музыкальную школу, а потом уж эту тему осознанно выбрала я, продолжая образование в направлении создания художественных образов в живописи.

Я постараюсь исподволь подойти к тому, зачем я решила написать эти строки. Главное – ответить на вопрос, который мне постоянно задают: как рождаются образы и стиль исполнения художественных работ. Но чтобы объяснение было понятным, нужно отойти чуть-чуть назад, к «музыкальному периоду». Видимо, красота гармоний, музыкальных форм и интонаций невидимого мира музыки сделали мне подкожную инъекцию этой громадины – Красоты.

Сначала была Музыка...

Музыка есть разная и слушают ее по-разному. Мое погружение в мир звуков проходил «под руками» выдающихся музыкантов. Так сложилась жизнь. Эти музыкальные личности были не просто музыкантами, а думающими музыкантами. Меня учили, что музыкальный язык, так же как и любой другой язык, должен быть распознан, иначе он бессмысленен. Красота музыки – это не приятная мелодия, это не «журчание ручейка», не усладная конфетка, а набор языковых символов, которые позволяют выявить содержание. Паровозный гудок, хотя он и имеет звуковысоту, не имеет музыкального смысла, не имеет организованного в определенную систему звукового, динамического и ритмического порядка. Музыкальный язык должен быть не понятным, а *понятым*.

А есть ли в музыке понятие «всеобщей красоты»? Сомневаюсь. В ней есть что-то иное. Неуловимое и неутилитарное. Гармонией созданное совершенство. Эстетическое наслаждение и есть ее Красота. Но в музыке она индивидуальна, поскольку мы слышим музыку по-разному.

Музыка не бывает некрасивой, но она бывает очень сложной, что, как правило, и не нравится. «Не нравится, не красиво» – это же неспроста! Я давно заметила, что в концертных залах звучит определенный, хоть и широкий репертуар. Конечно, полно и всяких экспериментов, разного рода модерна, но это – «провокации времени». Любой звуковой диссонанс, если он имеет музыкальное содержание, прочитывается и распознается. Как ни странно, но личность композитора считывается в музыке моментально. Невозможно не услышать смысл музыки Шостаковича, а «тютюкина» возможно. Жизнь сама топит тютюкин-эксперименты. Слуховая практика выявляет Красоту в музыке путем отбора и не потому, что она «понравилась или нет», а потому, какое содержание она несет. Хоть и в диссонансе.

Смена профессии, поворот к живописи.

Именно живая ткань музыкальных мироощущений, интонаций, ритма, организации и устойчивости дали мне возможность понять смысл сложнейшего вида художественного изображения – китайской живописи. Для меня оказались очень похожими эти два вида искусства. Музыкальная интонация – это изгиб линий, звуковая динамика – это интенсивность туши. Ритм в живописи не менее важен, чем в музыке (я

здесь говорю только про классическую живопись). Вся конструкция классической китайской живописи держится на сходных с музыкой столпах. И несмотря на их похожесть, восприятие этих видов творчества различное: временное и одновременно созерцательное. Тут уже моего разумения в мире искусства было достаточно, чтобы самой последовательно изучать живопись. Это сначала выразилось в «китайском периоде».

Не скажу ничего оригинального, если повторю, что ничего не стоит на месте. И если жизнь интересна, то невольно она тебя ведет в дальнейшее познание. И опять так случилось, что рядом оказался человек с философским (тоже благоприобретенным) сознанием. Влияние его логики и мышления на эмоциональную сферу, в которой я жила, чуть было не закрыло вообще своей трудностью эту тему для меня. Я имею ввиду осознание смысла в любом виде творчества. Оказалось, что «глазень» (выражение Гегеля) и понимание находятся вообще на разных полюсах.

Границы живописного языка стали расширяться сами собой. Мне интересно было попробовать изобразить мысль, философию. Появились черно-белые картины – предельное раздвижение цветов. Так требовала полярная идея «добра и зла» – основных двух констант, в которых живет человек. Или полярность нужна была для «высветления» главного на фоне «остального». Цвет «оттенков серого» – всего лишь нюансировка, не решающая, а часто смазывающая тему. Суть темы сама привела к стилю.

В конце концов, пройдя свой путь «руками», я поняла, что *Красота и Истина – это одно и то же. Скажу даже больше: нравственность и мораль имеют тот же вес и заряд. Всеобщность этих понятий идентична.*

* * *

Недавно я закончила серию из 4-х работ – японская тема. На осознание того, зачем мне это нужно, ушло много времени. Почти год.

Бывая в Японии, я каждый раз цепенела от некой малопонятной реальности. Каждый взгляд упирался в необычность: или это иной поворот головы женщины; или это вежливость, доходящая до «книжной», нереальной; или это стерильность на улицах с маленьким «садином» в горшках, где «садин» утром появляется у входа, а вечером «переезжает» внутрь дома; или это точность транспорта, приход которого к остановке можно проверять по секундомеру; или это тишина в людном месте (чтобы никому не помешать); или...; или...; или... Вроде такие же они, японцы: два глаза, два уха..., а совсем другие. Рядом живущие китайцы – другая планета. Сравнение с Китаем невозможно. Хоть и близко живущие, а противоположные. Китай поражает размахом, созиданием, а Япония такой утонченностью, что дух замирает. Даже не зная языка, или имея так называемый туристический набор, в Китай вживаешься легко, а в Японию никак. Это действительно «мир иной».

Вот этот иной мир, или иное измерение мне хотелось понять на основе темы Красоты. Я искала, за что «философски» зацепиться. Стала смотреть спектакли (к сожалению, по YouTube) театра Кабуки и любые возможные представления из Японии. Почему театр? – Это мир «над». Приподнятая на 50 см сцена, как и балерина на пуантах – это «над». Я помню как задавала себе вопрос, не понимая причин, по которым люди вообще ходят в театр. «Театральщина» мне отвратительна. А когда она «над», тройне. Но вот в Ленинграде я попала на спектакль в театр Товстоногова, на «Идиота» со Смоктуновским. Первые минуты спектакля я ощущаю даже сейчас, хоть

прошло 50 лет после этого. Оцепенение! Тишина, которая придавила к стулу. Фонарик в окне поезда (на сцене это было просто освещенной точкой в полной темноте). И вдруг сначала хриловатый, а потом поражающий своей глубиной голос! Это оцепенение я помню всю жизнь. После этого спектакля я не могла разговаривать. Молчание. И долго не могла ходить в театры. Крики, беспричинно голые люди, «быть-или-не-быть», горловой шабаш... Не могу!

И это самое «над», то есть то, что над обыденностью, привело меня к необходимости посмотреть спектакли театра Кабуки, коль я взялась понять японскую красоту. И тут тоже произошло давно забытое: я застыла, прижалась к стулу. Выступал Бандо Тамасабуру. Я тут же попросила своего знакомого из Японии прислать мне все возможные DVD, чтобы не в крошечном uTube, а в нормальном разрешении увидеть это чудо. И «заболела темой».

Более того. Я послушала интервью Бандо Тамасабуру, в котором он рассказал, почему исполняет женские роли. Ведь по обывательскому разумению, если мужчина изображает женщину и переоделся в ее наряд, то он розово-голубой, аж синий. Как правило, это так. Но только в уже извращенном или примитивном мозгу. А у Артиста это совсем иначе, что меня просто сразило. Артист говорил о том, что женщины сами за собой не замечают тех особенностей, которые присущи им по природе. А мужской глаз, в данном случае его, Тамасабуру, видит и оценивает это с эстетической стороны. То есть искусство – это не природа, а ее изображение/выражение человеком. Абсолютно гегелевский вывод об искусстве: природа не может быть красива сама по себе, она приобретает красоту, вернее выявляется только в сознании человека, становясь *понятием красоты*. Я была поражена глубиной высказывания Бандо Тамасабуру. Возможно, он и не знает о Гегеле, да и бог с ним, с Гегелем, в этом случае, но гений этого актера в реальности выразился в его искусстве. Он создал *красоту образа* японской женщины. Гейши.

Я начала изучать тему. Нюансов столько, что работа затормозилась надолго.

Итак, для меня после всего увиденного и изученного: японская красота это не пагоды и мостики, а то *что* превратило это в Красоту, от которой замираешь. (Тут опять Гегель со своими понятиями.) Человеческий дух выражает красоту в этих самых мостиках и пагодах! Эстетическое совершенство поэзии, литературы, танца, театра, архитектуры – всего наследия японской культуры – передается и сохраняется через поколения. Это вершины создания человеческого духа. Таланта и мастерства. Поэтому и поворот головы иной, и деревья растут по-японски, и водосборные люки на улицах под ногами выкованы с художественным мастерством, и чай пьют не как все, а по-японски, и сидят все как один, не выпячиваясь, чтобы «не оскорбить»... и т.д. МИР ИНОЙ! Это и есть японская Красота. Главный «хранитель» этих традиций и есть японская гейша. Вот почему на ее образование уходят очень большие деньги. На улицах в Японии гейшу почти невозможно увидеть. На улицах встретишь просто в кимоно одетых женщин. А гейша – это особая женщина. Она выражает суть японской культуры, от которой (культуры) я и цепенею. Гейша не «гуляет» по улицам. Ее смысл, стать и одежду подделать нельзя. (Чуть разбавлю эту серьезную вещь. В интернете продают «наряды для гейш». Это такие банные китайские халаты. И тётки в этих халатах и шлёпанцах по-хамски кокетничают, скорчив позы. Ох, если б они знали, за что берутся! Тут напачкать нельзя! Но пачкают своей утилитарностью, и «всё на продажу» – это выверт, чернуха и позор! Какая уж красота? Но пойдём дальше.)

В обыденном сознании гейша – это утеха для тела. Ан нет! Для духа! Искусство гейши таково, что люди любого ранга/сословия/убеждения и пр. могут и получают от нее не

только изысканность общения и умиротворение, а знания о поэзии, танце, литературе, традициях. Для понимающих – это экстаз духа, для обывателя – услада для зрения и слуха. Вся церемония общения с гейшей – это искусство само по себе. (Простак услуги гейш не пользуются, дорого.) Учатся «на гейшу» до 5 лет, и обучение стоит очень дорого. Совершенствованию нет предела по времени.

Вот и тема!

Мне нужно было выстроить свою концепцию жизни гейши. Началось это с изучения внешнего проявления: одежда, прически. Нюансы есть даже в том, как завязывается бант (оби) на кимоно, как и какую обувь носят гейши в определенном статусе. К примеру, у совсем молодой гейши и у той, которая только «для искусства общения», – бант завязывается сзади, а у дамы для утех – «ойран» – спереди. Даже обувь они носят по-разному. Ойран всегда одевает соответствующую обувь на босую ногу. Форма причесок – это тоже особая тема. Всему есть причины, но здесь не об этом. За всем стоит особая символика. И я стала искать источник, чтобы, так сказать, от первого лица послушать рассказ гейши о своей жизни. Нашла на uTube. При всей объемности знания о японской культуре в ее голосе сквозила какая-то таинственная грусть. Это не грусть самого образа (что считается изысканностью, неуловимой изюминкой поведения), а я услышала «ноту судьбы» женщины. Я узнала, что гейши не могут иметь детей, иначе конец их карьере. И если родители потратили огромные деньги на обучение своей дочери искусству танца, поэзии, литературы, то есть искусству гейши, то она уже не может отказаться от этой профессии. Такова культура взаимоотношения родителей и детей в Японии. На вопрос, «хотели ли Вы, чтобы ваша дочь стала гейшей?» Ответ – нет.

Проанализировав все стадии жизни гейши, возможную трансформацию и возможный, на мой взгляд, финал, я нарисовала 4 образа. Они для меня хоть и гейши, но женщины! Что тут сильнее?

Цикл можно назвать по-разному: от «Времена жизни» до «Искусство и жизнь».

- 1 – Созерцание
- 2 – Искусство и жизнь
- 3 – Одиночество
- 4 – Пред собой

Картины написаны красками, тушью, серебром и золотом. (К сожалению, серебро и золото не видны на фотографиях.)

Вот примерно так рождаются образы.

Валентина Бэттлер

31.01.2017